

зан в работе над темами современности. Борьба двух миров во всей ее напряженности отразилась в сборниках Бажана «Английские впечатления» и «Итальянские встречи», обстоятельно разобранных в книге. Перед читателем предстает и круг «вечных спутников» поэта. Это

В. Маяковский, П. Тычина, Н. Тихонов, А. Довженко, С. Чиковани, Ю. Яновский, Василь Эллан...

В книге Е. Адельгейма сказано много нового и нужного для понимания творчества Миколы Бажана.

А. ДЕЙЧ

ТРАДИЦИИ НЕКРАСОВА В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ*

До сих пор еще мало изучены связи советской поэзии с традициями русской классической литературы XIX века. Попытка понять творчество того или иного советского поэта в исторической перспективе развития национальной литературы нередко подменяется или сопоставлениями внешних фактов изучаемых явлений, или построениями абстрактных историко-литературных схем. Книга Н. Степанова является в этом отношении отрадным исключением. Автору удалось благодаря прекрасному знанию русской поэзии вообще и творчества Некрасова в частности, благодаря своей исследовательской наблюдательности и художественному чутью сказать убедительно и ясно новое слово в решении интересного, все еще недостаточно изученного вопроса о традициях Некрасова в советской поэзии.

Главное методологическое достоинство исследования Н. Степанова — в конкретно-диалектическом подходе к изучаемым литературным явлениям, которые рассматриваются в структурном единстве, в подчинении и сложных связях их элементов друг с другом, а не в плоскости эмпирического сосуществования и равнознач-

ности. Подлинные связи между произведениями разных исторических эпох в книге устанавливаются не по внешним совпадениям, по которым нельзя судить о существенном их родстве, а по внутреннему сходству. «Суть дела,— пишет автор,— не во внешнем, нередко поверхностном сходстве, а в тех путях, в том поэтическом методе, который развивает принципы, заложенные в поэзии Некрасова. Традиция Некрасова заключается именно в этом, дальнейшем развитии принципов народности, реализма и высокой идейности» (стр. 171).

Исходя из такого понимания художественной традиции, Н. Степанов устанавливает связь с традициями Некрасова творчества столь разных поэтов, как Блок, Хлебников, Есенин, Д. Бедный, Маяковский, Твардовский, Исаковский и др. Автором убедительно показаны важнейшие литературные заветы, оставленные Некрасовым, которые характеризуются революционным направлением, народностью, социальной конкретностью, демократизацией стиля поэзии. Книга рассказывает о великой историко-литературной и освободительной роли поэзии Некрасова, о действительно живой и самой близкой связи поэта с лучшими представителями советской поэзии. В этом не-

* Н. Л. Степанов, Некрасов и советская поэзия, «Наука», М. 1966, 240 стр.

отъемлемая и большая заслуга исследователя.

Догматически - прямолинейные представления о поэте, долгое время бытовавшие в нашем литературоведении, упрощали сложное и многообразное творческое наследие Некрасова. Такое упрощенное восприятие традиций поэта революционной демократии отразилось в творчестве некоторых советских поэтов. Научный такт, точная методологическая позиция автора книги позволяют ему оставаться до конца убедительным при изучении писателя, не скрывая его слабостей и не преувеличивая его достоинств.

Глубоко и интересно решается в книге проблема фольклоризма в поэзии Некрасова. Поэт всем своим творчеством показал, что истинная народность не в букве фольклора, а в его духе, во взгляде на жизнь. Н. Степанов считает, что нужно говорить не о фольклорности творчества Некрасова, а о его народности, делавшей фольклорные элементы органической особенностью его поэтики. Можно сказать, что фольклор вошел в творчество Некрасова не как застывший факт в его неподвижной семантике, а как метод, принцип и постоянно действующая сила. По методу народного мышления Некрасов пересоздает фольклорные образы в духе истинной народности, соответствовавшей передовым, революционно-демократическим взглядам своего времени. Такое творческое использование фольклора стало некрасовской традицией и для советских поэтов, в частности для Маяковского, Исаковского, Твардовского.

Правильно говорится в книге о тенденции как одной из важнейших некрасовских традиций, воспринятых в последующей истории русской поэзии вплоть до наших дней. Сущест-

венно, что тенденция в поэзии Некрасова рассматривается автором не как голая социальная направленность произведения (в таком виде она не может создать поэтического образа), а как особый художественный метод, определяющий эстетическую структуру произведения. Известно, что сам Некрасов иронизировал над поэтами, которые не в силах были претворить тенденцию в поэтический принцип. Уяснение некрасовской «тенденциозности» как художественного принципа, внутренне подчинившего себе элементы поэтического, делает понятным художественную специфику агитационной поэзии революционного народничества, те особые эстетические категории, которые еще ждут своего исследования.

К сожалению, в книге слишком лаконична характеристика отношения Некрасова к слову, мало сказано об органическом объединении в его стихе песенности и разговорности, об использовании в поэтическом произведении принципов прозы, об особенностях жанров поэта. Можно понять лишь направление развития некрасовской поэзии, но специфики ее художественной ткани ясно представить нельзя.

Недостаточно показана автором творческая эволюция Некрасова. Известно, что в ранней поэзии Некрасова преобладает чувство трагизма и безысходности («Тройка», «Еду ли ночью...», «В больнице» и др.), господствуют малые лирические жанры; позже он приходит к новым, революционно-демократическим взглядам на жизнь, которые помогают ему преодолеть трагизм, увидеть социально-историческую силу в народе, найти положительного героя в среде революционных разночинцев. Поэтому нельзя говорить о традициях Некрасова вообще, не указывая, какой пе-

риод творчества имеется в виду. На современных советских поэтов преимущественное воздействие имели традиции Некрасова 60—70-х годов, его большие эпические жанры, а на Блока, например, его традиции 40—50-х годов и лишь в «Двенадцати» прозвучал голос автора поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

В целом же книга Н. Степанова — интересный и ценный труд, который поможет разработке таких актуальных проблем литературоведения, как изучение традиций и новаторства, и связей классической литературы с современной поэзией.

Н. ГАЙДЕНКОВ

«ГЛАВНАЯ КНИГА» ГЕРЦЕНА *

Можно ли в небольшой книжке раскрыть безграничное богатство многотомной эпопеи — художественных мемуаров Герцена, показать величие писателя и мыслителя, идеи и герои которого уже более ста лет волнуют всякого, кто обращается к его страницам? С такими мыслями берешь в руки книгу Лидии Чуковской о «Былом и думах».

Л. Чуковской удалось успешно решить главную задачу, которая стояла перед ней, — она сумела передать образ героя мемуаров — личность самого Герцена. Со страниц книги встает Герцен — живой человек, весь в движении, весь в действии, трагически переживающий поражение революции и гибель близких, активно ищущий решения кардинальных вопросов истории и революционной теории, мечтающий о свободе своей Родины и отважно выступающий с вольным русским словом за освобождение народа.

О работе Герцена над его мемуарами Л. Чуковская говорит как о настоящем подвиге писателя, подвиге мысли и чувства. Она показывает, как рождался и созревал замысел произведения, как из задуманного

рассказа о страшной семейной драме, которую пришлось пережить Герцену, его мемуары превратились не только в автобиографию писателя, но в многоплановую книгу «колоссальной емкости», в книгу «по истории XIX века».

Если бы Л. Чуковская задалась целью уложить в небольшую книжку *все* содержание необычайных по размаху и масштабу мемуаров писателя, она никогда бы этой цели не достигла. Автор избрал для себя другой путь: передать дух и своеобразие книги Герцена. Для этого необходимо было осмыслить сложную, противоречивую эпоху, в которую жил и творил революционер и мыслитель Герцен, вжиться в нее, изучить в деталях биографию писателя и понять особенности его художественного мастерства.

Касаясь начального замысла «Былого и дум» как «мемуара о своем деле» — разрыве Герцена с Гервегом, — Л. Чуковская убедительно обосновывает неизбежность обращения писателя к повествованию об увиденном и пережитом, о всем том, что составило содержание первых пяти частей герценовских мемуаров. События русской истории и общественной жизни, свидетелем которых был молодой Герцен, драматические эпи-

* Лидия Чуковская, «Былое и думы» Герцена. Массовая историко-литературная библиотека, «Художественная литература», М. 1966, 183 стр.